

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОБИОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ГЛОБАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Article analyses the role and place of sociobiological conception in formation of the global evolution theories.

Глобальный эволюционизм – это направление теоретических исследований, ориентированное на выявление сквозных закономерностей, которым в равной мере подчиняется становление и эволюционное развитие объектов всех известных ныне структурных уровней бытия. Формирование термина «глобальный эволюционизм» (говорят также об «универсальном эволюционизме», об «изучении самоорганизующейся Вселенной») выразило открытие некоторых реалий, которые не были известны прежней науке и прежним эволюционным исследованиям. Рост знаний в теории эволюции придает особую актуальность исследованию направлений глобального эволюционного синтеза и критике конкретных концепций, сложившихся в данной области. Цель статьи состоит в выявлении роли и места социобиологического подхода к решению проблемы взаимодействия социального и биологического в эволюции системы «природа – общество» в структуре концепций глобального эволюционизма.

Потребность в конституировании глобально-эволюционных разработок стала осознаваться к 80-м годам XX в. Формирование синтетической теории эволюции в биологии, существенный рост знания о закономерностях социального развития высветили со временем явно недостаточную развитость представлений об общих закономерностях эволюционных процессов, которыми прежде занималась исключительно философия. Стало похоже, что общности в процессах развития объектов различной физической природы можно и следует говорить намного более детализированно, чем это обычно позволяет традиционная, чисто философская модель эволюционных изменений.

Появление кибернетики, разворачивание системных исследований, формирование других междисциплинарных разработок отчетливо указали, что однородность и сходство разноприродных сфер бытия (неорганического мира, органического мира и мира социальных систем) значительно выше, чем это виделось прежде. В свою очередь, развитие неравновесной термодинамики позволило снять барьер между прежними эволюционными антиподами – живой и неживой природой и включить их в единые концептуальные рамки, успешно задаваемые сегодня синергетикой. Все это убеждало в том, что у исследователей появляется возможность справиться с «кошмаром уникальности», когда приходится иметь дело с такими чрезвычайно важными, уникальными и сложными объектами, как ноосфера или биосфера.

Нормальной науке требуется повторяемость событий и объектов – тогда можно искать закономерное, выявлять наиболее существенное и основывать свои практические действия именно на таком устойчивом, надежном, определяющем фундаменте. В этом смысле проблема традиционного подхода к изучению биосферы и ноосферы состоит в том, что они рассматриваются лишь и прежде всего как уникальные образования. Между тем, рождение кибернетики, системологии и синергетики говорит о том, что из внешне разноприродных объектов можно составлять однородные группы, позволяющие моделировать объекты одной природы объектами совсем иной природы. Очевидно, что такой познавательной возможностью никак не следует пренебрегать (в том числе при осмыслении эволюционной или экологической проблематики), на это и ориентирует работа в области глобального эволюционизма.

Обострение экологической ситуации в последние десятилетия также напоминает ис-

тину, что человек и общество не могут рассматриваться совершенно автономно от природы, и поэтому адекватен лишь подход, органично вписывающий человека в фундаментальные структуры и процессы Вселенной, т. е. изначально предполагающий их совместное рассмотрение. Так, постепенно в науке вышло стремление к совершенствованию, существенному расширению общеэволюционных представлений, к их развитию на основе активного учета многочисленных современных сопутствующих наработок, что и обусловило появление новой специфической панорамной теоретической деятельности, которую обозначают как работу в области глобального эволюционизма.

Развитие новой эволюционной парадигмы осуществляется в рамках двух основных постепенно сближающихся подходов. Один из них, синергетический, опирается на признанные модели самоорганизации, разработанные прежде всего в науках о неживой природе, и экстраполирует их на другие области научного познания. Второй подход, собственно эволюционный, берет за основу систему биологических представлений, учитывая высокий уровень их проработанности и тот факт, что биология, с одной стороны, естественно близка к социальному знанию, а с другой – к знанию о неживой природе, облегчая тем самым трансляцию именно общебиологических идей.

Примером подобной попытки может служить социобиология, предлагающая «единую теорию», которая позволяет связать теорию индивидуального умственного развития, формирования культуры и генетической эволюции.

Социобиология представляет собой современную натуралистическую интерпретацию общественных явлений. На развитие социологического знания в 80–90-е годы существенное влияние оказали новые открытия, совершенные не только в области общей теории систем, но и в биологической науке. Особое воздействие на последнюю оказали успехи когнитивной психологии: разрабатываемые в ней представления о способах образования обобщенных понятий, различных видов абстракций, о взаимодействии врожденных и приобретенных механизмов памяти. Термин «социобиология» впервые был введен в научный оборот независимо друг от друга Д. Скоттом и Ч. Хоккетом соответственно в 1946 и 1948 годах. Скотт определял социобиологию как независимую науку, лежащую между областями биологии (особенно экологии и физиологии), психологии и социологии. Второе дыхание и творческое развитие этот термин получил спустя тридцать лет.

В 1975 г. свет увидела книга американского энтомолога Э. Уилсона «Социобиология: новый синтез», которая положила начало новому направлению в биологии – синтетической науке, охватывающей все стороны человеческой жизнедеятельности, тяготеющей к психологии, педагогике и социологии. Э. Уилсон, изучавший ранее насекомых («Сообщества насекомых», 1971), обратился к проблеме человека. Он попытался проследить эволюционные детерминанты социального поведения человека, берущие начало в мире живого. Под социальным поведением подразумевались те его формы, которые появились в результате социальности живых организмов, их существования в сообществах и были направлены на сохранение и процветание последних. *Социальность* – способность живых организмов вступать в упорядоченные и стабильные отношения кооперации. Речь шла о необходимости более широкого, чем это было ранее, привлечения биологии к познанию социальных форм поведения человека, важности углубленного обсуждения вопросов о соотношении физиологического и психического, о социальном характере поведения животных и человека, обнаружения и изучения путей развития характерных черт «социальной» организации сообществ живых организмов, сущности свободы воли и т. д.

Если в книге «Социобиология: новый синтез» переход к социобиологическому анализу человека только намечался, то в более поздней работе Э. Уилсона «О природе человека» (1978) был уже поставлен целый комплекс проблем по социобиологии. В последующих его публикациях, написанных в соавторстве с Ч. Ламзденом («Гены, разум и культура. Про-

цесс коэволюции» (1981) и «Прометеев огонь. Размышления о происхождении разума» (1983)), основное внимание уделялось уже непосредственно вопросам происхождения человека, его разума и культуры. В этом же ключе выполнена и работа Э. Уилсона «Биофилия» (1984), для которой характерно преклонение перед гармонией природы. Активными сторонниками социобиологии в 80-е годы стали М. Ламзден, Д. Фридман, П. Грин, М. Рьюз и другие ученые. Изучение биологических и психических основ поведения для социологов весьма затруднено, поэтому социобиологию разрабатывают преимущественно биологи, отсюда и преобладание в ней биологической методологии.

Социобиологи последовательно распространяют эволюционный подход к объяснению всех форм социального поведения животных, в том числе и человека. Существует определенная преемственность между социобиологическими и бихевиористскими концепциями. Но имеют место и существенные различия: если социобиологи абсолютизируют роль наследственности, то бихевиористы – влияние среды и научения. Хотя синтез социальных и естественных наук в границах социобиологии осуществляется на основе преобладания биологической методологии, с развитием биологии усилились нападки на бихевиоризм. Соглашаясь с центральной идеей бихевиоризма о том, что поведение и сознание имеют материальную основу и доступны экспериментальному изучению, лидер социобиологии Э. Уилсон, в частности, считает ошибочным основное положение этой концепции о равной возможности в научении различных видов живых существ, пропагандирует идею о множестве самых разных типов научения. Социобиологи рассматривают свою дисциплину как интегрирующую все методы биологии для выяснения типичных социальных взаимодействий в сообществах животных и человека.

В ходе теоретических дискуссий социобиологи постепенно приходят к выводу, что проблема взаимоотношений «человек – общество» и «человек – природа» – две стороны одной медали. Экологические катастрофы, на их взгляд, порождаются не самой природой, а взаимодействием природы и общества. Поэтому их предупреждение возможно только благодаря разумному природоиспользованию, поддержанию гомеостаза системы «человек – общество – природа». Основатели социальных и поведенческих наук, в особенности Э. Дюркгейм в социологии, Ф. Боас в антропологии, З. Фрейд в психоанализе и Дж. Уотсон в бихевиористской психологии, в значительной степени проводили свои исследования изолированно от других наук о человеке. Социобиологи пытаются преодолеть данный недостаток, и в этом их заслуга неумалима. Они обращают внимание на необходимость дальнейшего синтеза естественных и общественных наук, стремятся представить всеобъемлющее знание о генетическом и культурном взаимодействии.

Проблема взаимосвязи природного и социального в социобиологии получила развитие в *теории генно-культурной коэволюции* – высшем научном достижении этого направления. Генно-культурной коэволюцией называется длительный путь формирования человека, который в марксистской литературе обычно обозначается как период антропосоциогенеза. В центре внимания социобиологов оказалась проблема генетико-средовой детерминации поведения индивидов. Главная идея теории генно-культурной коэволюции состоит в том, что человеческий разум является результатом соединения генетической эволюции и культурной истории, ни гены, ни культура, отдельно взятые, не могут породить человеческого разума. Попытка соединения исследований о мышлении и культуре с эволюционной теорией – важнейшее достижение социобиологии. Ученые, используя биологический термин «эпигенезис», которым обозначается «вся сумма взаимодействий между генами и средой», стараются показать арену взаимодействия генов и культуры. Красной нитью в их рассуждениях проходит мысль об обусловленности генами эпигенетических правил (процессов, определяющих как информация обрабатывается, какие ее виды наиболее легко усваиваются, какие виды эмоций при этом пробуждаются и т. д.). Социобиологи уверены: если человек познает эти правила, то научится управлять собой и социогенезом. Именно

они контролируют все события, происходящие с «анодами» (уровень семантической памяти, включающей в себя конструкты, пропозиции) и культургенами (единица культуры). Разделяя тезис о том, что поведение человека обуславливается как социальными, так и биологическими (генетическими, по Э. Уилсону) факторами, ученые признают ведущей причиной, формирующей социальное поведение индивида, негенетический фактор.

Центральной проблемой социобиологии стала эволюция человеческого разума, формирование человека с характерными для него чертами, включая свободу воли. Однако традиционная научная методология не позволила ученым добиться полного синтеза естественнонаучных и гуманитарных знаний, преодолеть редукционизм – упрощенное объяснение сложного явления, например социогенеза, через составляющие его элементы. Они не дали развернутого анализа качественных сущностных отличий форм человеческого бытия и способов социализации индивида. Основная методологическая ошибка социобиологов – отсутствие анализа фундаментальных проблем описания поведения, слабая связь с достижениями в области макросоциологии, теориями социальной структуры и социального действия. Исследователям не удалось в полной мере показать именно коэволюцию как взаимодействие природного и социокультурного начал, в своих исследованиях они больше склоняются к признанию ведущей роли биологического фактора эволюции. Они убеждены в решающей роли биологической наследственности, в результате эволюция разума оказывается эволюцией мозга.

Понимание биосферы как системы «природа – общество» ставит биологический эволюционизм лицом к лицу с общественными науками. Теоретическое освоение процесса коэволюции возможно лишь в новом, еще не созданном, теоретическом пространстве, объединяющем «две культуры» – естественнонаучную и гуманитарную. Это – идеал консолидации двух типов разнокачественного знания, пути достижения которого пока трудно представимы. Поэтому благом является даже некая переключка идей, движение навстречу друг другу в использовании «чужих» понятий, норм знания, в заимствовании манеры, стиля мышления. Методологический анализ такой переключки идей составляет одно из важнейших современных направлений в философии науки.

Когда биологический эволюционизм ставится в контекст исследования коэволюции, то самой трудной проблемой для него оказывается проблема человека. Его уже нельзя рассматривать лишь как природно-биологическое существо, что было допустимо в первом случае интерпретации биосферы. Система «природа – общество» по сути является системой «человек – природа – общество», настолько важна во всех этих взаимосвязях активная роль человека. Это обстоятельство в общем виде понималось социобиологами, когда при создании своей концепции генно-культурной коэволюции они уделили серьезное внимание новой науке о человеке. Плодотворной является и мысль о том, что в изучении коэволюции никак не обойтись без выделения неких инвариантов, которые позволяли бы сопоставлять, соотносить коэволюционирующие стороны, сделать это соотношение предметом конкретного научного познания. Отсюда увлечение социобиологов так называемыми эпигенетическими правилами, якобы направляющими процессы трансляции от генов к культуре и наоборот.

Однако культура осталась без инварианта. Его поиски в сфере когнитивной психологии затрагивают лишь один из уровней социального бытия человека. Что же касается природной компоненты коэволюции, то она интерпретируется в духе сведения эволюционно-биологических проблем к генетике. Выделение «гена» в качестве инварианта одной из сторон коэволюции оказывается не подкрепленным ни современным научным знанием, ни современной методологией биологии, отрицающей редукционизм. Генетическая концепция эволюционизма – это в основном пережитое биологией увлечение. То же можно сказать об апологии дарвинизма, свойственной социобиологии. Так, канадский философ М. Рьюз видит новый, общекультурный тренд развития эволюционной биологии в том,

чтобы представить дарвинизм в виде современной эпистемологии и даже этики. «Дарвиновская эпистемология» и «дарвиновская этика» обсуждаются в соответствии с классическими посылками дарвинизма. В стороне остается их критика современными биологами. Такая своеобразная экспансия дарвинизма, порожденная социобиологией, вряд ли может содействовать поиску новых методологических начал изучения коэволюции.

Поскольку социобиологическая модель генно-культурной коэволюции представляет собой интересный теоретический эксперимент, следует остановиться еще на одной идее, достойной дальнейшей разработки. Выступая последовательными энтузиастами проникновения эволюционно-биологического подхода в проблему человека, социобиологи фактически описывают важнейшую дилемму в понимании динамики коэволюции. Эта динамика описывается, как правило, двумя способами: либо человек статичен (как представитель вида *Homo sapiens*), а общество – динамично, следовательно, ответственно за всю динамику коэволюции; либо, наоборот, человек – динамичен, а общество довольно устойчиво в своих основных характеристиках и совокупностях социальных институтов. Вторая позиция как раз ближе социобиологам, постоянно утверждающим, что анализ культуры мало что дает для понимания человека. Первая же позиция приписывается в основном марксизму, рассматривающему, как считают социобиологи, человека как *tabula rasa* (чистая доска).

Не разбирая здесь способов аргументации обозначенных альтернативных подходов к источникам динамики коэволюции, хотелось бы подчеркнуть, что при их обсуждении лидер социобиологии Э. Уилсон затрагивает чрезвычайно важный вопрос. Действительно, если мы говорим о коэволюции и о человеке как ее «кванте», важнейшем ее действующем лице, то никак не уйти от вопроса, прекратилась ли биологическая эволюция человека в условиях созданной им цивилизации. Уилсон считает, что основные ментальные характеристики мозга могут даже продолжать свое развитие в исторические времена. Это утверждение противоположно той точке зрения, которая многими разделяется, что такая биологическая эволюция прекратилась 10 000 лет тому назад и что изменение человека состояло с тех пор исключительно в его культурной эволюции. Уилсон даже предлагает тысячелетнее правило для генетической эволюции мозга – во время существования 30–40 поколений людей вполне могут уместиться некие изменения биологии человека. Очевидно, что до таких правил еще далеко, но саму идею о продолжающейся эволюции природно-биологического субстрата человека можно признать плодотворной.

О возможных структурно-функциональных изменениях мозга под воздействием длительного процесса цивилизованного развития человека писал еще В.И. Вернадский. В современных работах отечественных биологов и антропологов эта идея получает все большее обоснование. Целый ряд авторов называют этот поистине коэволюционный процесс биосоциальной эволюцией человека. Так, В.П. Казначеев, употребляя этот термин, раскрывает содержание экологии человека как нового научного направления, исследующего диалектически развертывающийся процесс взаимодействия природно-биологических и социальных сторон человеческой жизнедеятельности. Это взаимодействие векторизовано определяющей ролью всех совокупных социальных факторов и уже благодаря этому не представляет собой статичного образования. Реальная человеческая жизнь, рассмотренная отдельно либо в контексте группы, коллектива, того или иного сообщества, претерпевает такие существенные и повторяющиеся изменения природно-биологических характеристик, которые становятся нормой и для последующих поколений. Как это происходит, по каким механизмам, наука еще не знает. Но ведущая роль социальных факторов жизнедеятельности человека не может касаться только его личностных определений либо затрагивать лишь морфо-физиологические черты, причем в пределах одного поколения.

В чреде поколений, как это можно предположить, совершается такое взаимодействие биологических и социальных факторов, которое отражается и на природно-биологическом

субстрате. Какие его стороны затрагиваются, трудно сказать. Скорее всего не те, которые характеризуют человека как биологический вид, но как биосоциальное существо. «Очеловеченные» стороны функционирования, взаимной корреляции, регуляции различных систем человеческого организма уже сегодня становятся предметом исследования специалистов в области генетики, экологии и этологии человека. Все эти направления вынуждены разрабатывать свою конкретную методологию, не совпадающую с общебиологической, поскольку невозможна прямая экстраполяция знания из соответствующих областей биологии непосредственно на человека. Вместе с тем все большую популярность приобретает идея о зависимости самых что ни на есть «человеческих» свойств индивида от природно-биологических сторон его жизнедеятельности. Эволюционно-биологический подход, анализ природных предпосылок различных сторон психической деятельности человека, сферы мотиваций даже нравственных основ тоже включаются в то направление нового научного исследования, которое связано с рассмотрением биосферы как коэволюции природы и общества.

Таким образом, исследования биологических основ социального поведения составляют существенный аспект концепций глобального эволюционизма. Теоретическая модель биосоциальной эволюции, предложенная социобиологией (теория генно-культурной коэволюции), обладая несомненной эвристической ценностью, тем не менее содержит ряд методологических просчетов редукционизма. Важная заслуга социобиологов состоит в оформлении категориального аппарата синтеза естественнонаучного и социального знания.